

БРАЙДЕН ХИЛЛС

Любовь на грани фола

BRADEN HILLS
UNIVERSITY

HOME OF
THE
RAVENS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леа Дари Брайден Хиллс. Любовь на грани фола

<https://litres.ru/74098264>

SelfPub; 2026

Аннотация

В университете Брайден-Хиллс у каждого есть своё место — на льду, на сцене, в тени чужих ожиданий или на вершине кампусной иерархии.

Джейд Морено привыкла всё контролировать: танец, учёбу, эмоции, собственную жизнь. А её лучшая подруга – Скарлетт Хейз – боится близости и уходит первой, пока её не успели оставить.

Брайден-Хиллс не любит простых историй: здесь слишком легко всплывают старые тайны, слишком громко звучат чужие ошибки и слишком опасно долго притворяться, что всё это ничего не значит.

Когда дружба трещит по швам, прошлое возвращается, а случайные ночи перестают быть случайными, Джейд и Скарлетт оказываются перед выбором, к которому никто из них не был готов.

Потому что в Брайден-Хиллс можно спрятать чувства. Можно скрыть правду. Но нельзя бесконечно убегать от того, кто однажды увидел тебя настоящей.

Содержание

1 Глава. Вечеринка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Леа Дари Брайден Хиллс. Любовь на грани фола

1 Глава. Вечеринка

Октябрь в Брайден-Хиллс пах влажными листьями, холодным океанским ветром и чем-то ещё — чем-то студенческим, шумным, сладковатым, похожим на разлитый по кампусу алкоголь и чужие духи, которые утром уже никто не вспомнит.

Днём университет ещё умел казаться спокойным и почти благородным: старые корпуса стояли среди деревьев, дорожки были усыпаны красно-золотой листвой, а серый камень фасадов выглядел так, будто видел здесь слишком многое, чтобы удивляться человеческим страстям. Но вечером, когда темнота опускалась на прибрежный кампус, Брайден-Хиллс менялся. Окна загорались одно за другим, в студенческих домах гремела музыка, из кофейни тянуло выпечкой и кофе, а где-то ближе к арене, в доме «Сигма Каппа», уже вовсю праздновали победу Воронов — хоккеисты выиграли очередной матч, и это автоматически означало одну большую, шумную, почти неуправляемую вечеринку, куда

явились почти все, кому было скучно сидеть в комнате.

Дом братства светился в темноте так ярко, словно сам хотел, чтобы его нашли. С крыльца доносился смех, кто-то громко спорил о счёте матча, из открытых окон вырывались басы, а на ступеньках, под тёмно-синими фонариками и гирляндами, уже курили двое парней в джерси Воронов, не удосужившиеся даже застегнуть рубашки после душа. Внутри было ещё теснее, жарче и шумнее. Воздух состоял из музыки, чужих парфюмов, пива и дорогого виски. На кухне звякали стаканы, в гостиной кто-то орал припев песни, а где-то в коридоре братство, спонсируемое победой и адреналином, уже давно перестало делать вид, что у него есть хоть какие-то правила.

Скарлетт сидела на широком подлокотнике дивана в гостиной и выглядела так, будто пришла сюда не праздновать, а наблюдать за экспериментом. Рыжие волосы, густые и длинные, спадали почти до поясницы и ловили свет гирлянд тёплыми медными всполохами; несколько более светлых прядей у лица делали её ещё ярче, ещё заметнее в переполненной комнате. На ней было короткое чёрное платье с открытыми плечами и узкими бретелями, тонко подчёркивающее мягкость фигуры, от которой она никогда не пыталась отмахнуться и которой, напротив, умела пользоваться с умным, почти насмешливым достоинством. Чёрные длинные ногти поблёскивали, когда она держала бокал, а зелёные глаза — живые, дерзкие, с ореховыми искрами — с ленивой внима-

тельностью скользили по комнате. Ноздрю украшало тонкое кольцо-пирсинг, а по правой руке тянулись татуировки — цветы, ноты, едва различимые линии, будто на коже кто-то оставил личную карту её настроений.

Рядом с ней Джейд выглядела почти как противоположность, хотя если смотреть дольше секунды, сходство между ними всё равно проступало — не в одежде, не в манере держаться, а в той внутренней собранности, которую каждая из них носила по-своему. Джейд выбрала чёрный комбинезон без лишних деталей, сидевший на ней безупречно и подчёркивавший стройную, выверенную линию тела танцовщицы: длинные ноги, тонкую талию, гибкость, которую невозможно было скрыть даже в неподвижности. Тёмно-каштановые волосы она собрала в высокий гладкий хвост, открыв острые скулы, аккуратный нос и внимательные карие глаза, в которых постоянно что-то читалось — оценка, анализ, осторожность, привычка держать всё под контролем. Она сидела, выпрямив спину, как будто даже на вечеринке не позволяла себе распасться хотя бы на миллиметр.

— Напомни мне ещё раз, — сказала Джейд, оглядывая комнату с выражением человека, который морально уже уходит, но физически ещё остаётся, — почему мы здесь? Ты же ненавидишь хоккеистов.

Скарлетт усмехнулась, потянувшись за своим бокалом, в котором плескался яркий коктейль с льдом и чем-то кислым, сладким и опасно легко пьющимся.

— Потому что ты ещё начало семестра, а ты уже живёшь в танцевальном зале с этими громадными зеркалами. Мне нужно иногда напоминать тебе, что существует мир вокруг!

— Я не живу в танцевальном зале.

— Правда? — Скарлетт повернула голову и посмотрела на неё с притворным удивлением. — Тогда почему ты там бываешь чаще, чем в собственной комнате?

Джейд закатила глаза, но уголок её губ дёрнулся — почти улыбка, почти сдача.

— Потому что у некоторых людей есть цель в жизни.

— У некоторых людей есть весёлые вечера, — парировала Скарлетт, делая глоток. — А у некоторых — расписание, боли в мышцах и тетрадь с планом на неделю.

Джейд давно осознала, что спорить с этой рыжей бессмысленно. Скарлетт, заметив молчание подруги, победоносно улыбнулась и стукнула своим бокалом о её.

Это был их обычный ритм: поддеть, отступить, улыбнуться, снова попасть точно в слабое место и тут же прикрыть удар шуткой. Они знали друг друга слишком давно, чтобы обижаться по-настоящему, и слишком хорошо, чтобы случайно не задеть самое важное.

Вокруг них вечеринка кипела собственной жизнью. У стойки с напитками стояли трое хоккеистов из Воронов — все в расстёгнутых рубашках, с влажными после душа волосами и с той расслабленной, почти ленивой уверенностью, которая возникает только у людей, которых недавно носили

на руках.

Один, высокий и плечистый, смеялся, запрокинув голову; второй что-то доказывал, размахивая бутылкой; третий сидел на столе босиком и выглядел так, будто понятия не имеет, зачем на вечеринках вообще нужны футболки. Девушки вокруг — в коротких платьях, блестящих топах, джинсах с высокой талией, с идеально уложенными локонами или небрежными пучками — двигались в полумраке как яркие пятна. Кто-то флиртовал, кто-то уже ругался, кто-то снимал всё на телефон, чтобы утром пожалеть о половине видео.

Скарлетт опустила взгляд в телефон почти бездумно, лишь чтобы проверить сообщения, и тут же замерла. Экран осветил её лицо холодным голубоватым светом, на секунду выбив из шумной, душной реальности. Новое уведомление. Пост.

Она открыла его так быстро, что Джейд даже не успела понять, что именно произошло, пока не услышала, как изменилось дыхание подруги. Это было не громкое, не очевидное изменение — всего лишь крошечная трещина. Но Джейд знала Скарлетт слишком хорошо. Слишком давно. И потому сразу заметила, как у неё напряглись пальцы на бокале.

На фотографии был Оливер.

Улыбающийся. Чуть склонённый к какой-то девушке, с которой он стоял слишком близко, чтобы это можно было назвать случайностью, и слишком естественно, чтобы принять за постановочный кадр. Сердце кольнуло предательски,

резко и неприятно — достаточно, чтобы внутри всё на миг стало пустым и холодным.

Джейд увидела пост через её плечо и тут же поняла всё без слов. Она уже набрала воздух, чтобы что-то сказать — возможно, осторожное или слишком прямое, — но Скарлетт оказалась быстрее.

— Ну и плевать, да? — произнесла она легко, почти безразлично, слишком легко, чтобы это можно было принять за правду. — Мы же разошлись. Он большой мальчик.

Она подняла бокал и залпом допила коктейль, будто кисло-сладкая жидкость могла смыть изнутри неприятное ноющее чувство. Потом Скарлетт резко выдохнула, словно поставила точку в разговоре, который никто ещё не успел начать, и откинулась назад, уже не глядя в экран.

Джейд молча смотрела на неё. Хотела возразить. Хотела напомнить, что Скарлетт не обязана делать вид, будто ей всё равно. Хотела спросить, сколько ещё раз она будет притворяться, что умеет не чувствовать. Но вместо этого только сжала губы. Иногда лучше не трогать человека в ту самую секунду, когда он держится на одной гордости.

И именно в этот момент из динамиков пошла песня, которую Скарлетт любила почти неприлично сильно — не столько за мелодию, сколько за то, как она была точно в нерв. Её лицо изменилось мгновенно: чуть поднялся подбородок, вспыхнули глаза, а в уголке губ мелькнуло то упрямое, почти вызовное выражение, которое Джейд всегда узнавалось как

преддверие глупостей.

— О нет, — пробормотала Джейд, уже зная, что будет дальше.

— О да, — ответила Скарлетт и поднялась.

Она двинулась к танцполу так, будто сама музыка позвала её по имени. Люди расступались неосознанно, потому что Скарлетт умела заполнять собой пространство. В ней было что-то яркое, не вполне управляемое, но до невозможности притягательное: рыжие волосы, тёмное платье, уверенная походка, длинные чёрные ногти, которые она лениво сжимала и разжимала в такт. Она не танцевала так, как танцуют девушки, желающие нравиться. Она двигалась так, как двигаются те, кто уже знает, что на них смотрят.

Скарлетт погрузилась в ритм, позволяя музыке унести её подальше от телефона, от фотографии, от внезапной боли, которая не имела права так больно цеплять. Она скользила среди людей, поднимала руки, легко изгибалась в такт, улыбалась кому-то через плечо, и всё это выглядело настолько естественно, будто она родилась именно для подобных вечеров. Но как только она чуть сильнее выгнула спину, чувствуя на себе чьи-то руки, не слишком настойчивые, скорее узнаваемые, она уже знала, кто стоит позади.

— Ты хотя бы иногда предупреждаешь девушек, что собираешься появиться так драматично? — спросила она, даже не оборачиваясь.

Голос Кайла раздался у самого уха — низкий, спокойный,

с привычной усмешкой, от которой у половины кампуса слабели колени, а у второй половины появлялось желание его ударить.

— Я думал, это твоя специализация.

Скарлетт медленно повернулась, ловя его взгляд.

Кайл Акерман выглядел так, как и должен был выглядеть капитан Воронов после победы: уверенно, расслабленно и опасно хорошо. Высокий, почти на полголовы выше большинства в комнате, с широкими плечами и мощной фигурой хоккеиста, тело которого постоянно живёт на грани силы и скорости. Светлые волосы, ещё чуть влажные после душа, были небрежно зачесаны назад, но всё равно падали на лоб. Тёмно-синяя рубашка была расстёгнута на несколько верхних пуговиц, демонстрируя не только загар, но и ту самую беззастенчивую спортивную уверенность, которую сложно было не заметить. Серо-голубые глаза, почти прозрачные в свете ламп, внимательно скользнули по её лицу, будто он сразу понял: что-то случилось. И, возможно, именно это — способность замечать лишнее — раздражало Скарлетт сильнее всего.

Скарлетт улыбнулась уголком губ. Не шире. Не добрее. Просто так, как улыбаются перед очередной игрой, в которой никто не собирается проигрывать.

— У тебя опять проблемы с самообладанием, капитан?

— У меня? — Кайл посмотрел на неё с напускной невинностью. — По-моему, это ты сегодня слишком эмоциональ-

на.

— Уверен?

— Почти.

Они стояли достаточно близко, чтобы музыка проходила через них обоих одной и той же дрожью. Кайл сделал едва заметный шаг вперёд, как будто хотел проверить, отступит ли она. Скарлетт не отступила. Наоборот — склонила голову и посмотрела на него с тем самым выражением, которое всегда заставляло его терять терпение и улыбаться одновременно.

— Ты что-то хочешь? — тихо спросила она.

— Возможно.

— Плохой ответ.

— Плохой вопрос.

Рыжая коротко рассмеялась, но не успела сказать ничего ещё, потому что Кайл уже положил руки ей на талию и увлёк в танец. Не резко, не грубо — уверенно, так, словно хорошо знал, как держать дистанцию и одновременно нарушать её ровно настолько, чтобы это сводило с ума.

Скарлетт позволила ему это, потому что с ним всегда было именно так: немного опасно, немного смешно, немного слишком личным для людей, которые якобы просто поддразнивают друг друга.

Она повернулась к нему спиной, скользнув в ритм, и его ладони остались на её бедрах, тяжёлые, тёплые, сдержанные. Вокруг них шумела вечеринка, кто-то кричал на кухне, в уг-

ду кто-то уже начинал петь не в такт, но для Скарлетт всё сузилось до этого движения, до этого дыхания за плечом, до чужого внимания, которое чувствовалось даже сквозь музыку. Кайл чуть сильнее притянул её к себе, и она, вместо того чтобы смутиться, только медленно выгнулась, как будто знала: это его бесит и нравится ему одновременно.

— Кто вывел из себя нашу рыжую бестию сегодня? — спросил он, наклоняясь к её уху.

— Не выдумывай, Акерман. Я в порядке. Просто... танцую.

— Плохая ложь, Хейз.

Она повернула голову через плечо и посмотрела на него с нарочитой беспечностью.

— Я в порядке, — повторила Скарлетт ещё раз.

— Конечно.

Музыка стала глубже, плотнее, и Скарлетт снова двинулась к нему, уже не спиной, а всем телом, играя с ритмом так, будто между ними была не просто вечеринка, а отдельный маленький мир, где слова имеют вес только до тех пор, пока не начинают мешать. Кайл смотрел на неё неотрывно, и Скарлетт почти физически ощущала это внимание — не как давление, а как вызов. Она привыкла к его взгляду, к его насмешкам, к их постоянной тонкой игре на грани флирта и раздражения, к тому, что он никогда не переходил черту первым, но всегда оказывался на шаг ближе, чем следовало бы.

Она развернулась к нему лицом.

Теперь они двигались уже вместе, совсем близко, и Кайл, не отрывая взгляда, аккуратно удерживал её ритм ладонями на талии. Свет в комнате пробежал по его лицу, по чёткой линии челюсти, по влажным светлым волосам, по сильным рукам, и Скарлетт, сама того не желая, поймала себя на мысли, что ему слишком легко удаётся выглядеть так, будто он знает, что делает. Даже когда, вероятно, не знает.

— Ты сегодня красивая, — сказал он.

— Ты сегодня пьяный.

— Трезвее, чем кажусь.

— Это опасно.

— Это весело.

И тут между ними случилось то самое мгновение — короткое, почти неосоздаваемое, но слишком знакомое. Кайл смотрел на неё, как будто хотел сказать что-то ещё, а она смотрела в ответ слишком долго, чтобы это можно было считать случайным. Его руки оставались на её талии, её ладони — где-то у него на груди, и вся комната вдруг отодвинулась на второй план. Он чуть наклонился, и Скарлетт сразу поняла, что именно он собирается сделать. Не потому что он был предсказуемым, а потому что она уже слишком хорошо знала этот их вечный рисунок: подколы, смех, напряжение, пауза, шаг ближе, шаг назад.

Кайл хотел её поцеловать.

Не демонстративно, не напоказ, а так, будто это случилось

бы естественно, как очередной их спор, только тише.

Скарлетт поняла это раньше, чем он успел сделать последний маленький шаг. И вместо того чтобы поддаться, лишь усмехнулась, мягко, почти лениво, выскользнула из его рук одним текучим движением и подняла палец, как предупреждение.

— Не вздумай, Акерман, — сказала она.

— Что — не вздумай?

— Целовать меня.

— А кто сказал, что я хотел?

— Твои глаза.

Кайл замер на долю секунды, а потом медленно выдохнул, явно сдерживая смех. На его лице мелькнуло выражение досады, которой он не хотел показывать, и всё же оно было слишком явным, чтобы его не заметить.

— Ты жестока, — сказал он.

— Я честна.

— Это одно и то же?

— В моём случае — почти.

Она улыбнулась ему уже открыто, с тем оттенком дерзости, который делал её опасной не меньше, чем красота. Погрозила ему пальцем ещё раз, будто ставила между ними очередную невидимую границу, а потом, не позволяя ни ему, ни себе задержаться в этом моменте слишком долго, развернулась и ушла дальше в толпу, будто ничего и не произошло.

Кайл остался стоять, глядя ей вслед с привычной улыбкой.

Она опять его обыграла.

А в другом конце комнаты Блэр Уитмор наблюдала за ними уже несколько минут.

Она стояла у стены в окружении двух своих неизменных спутниц, Шейлы и Кортни, и выглядела так, будто сама вечеринка была её сценой, а все остальные — досадным фоном. Идеально уложенные светлые волосы спадали мягкими волнами на плечи, холодные голубые глаза были подведены так тонко и аккуратно, что даже в полумраке её лицо казалось выверенным до последней детали. На ней было светлое платье, дорогое и безупречное, и весь её облик — от тонких запястий до напряжённой линии губ — говорил о привычке всегда быть первой, лучшей, нужной и заметной. Только сейчас эта безупречность треснула, едва заметно, но вполне достаточно, чтобы Блэр выглядела не красивой, а злой.

Она смотрела на Скарлетт и Кайла так, словно видела перед собой не танец, а личное оскорбление.

Скарлетт, смеющаяся, яркая, слишком живая.

Кайл, который смотрел на неё так, как не смотрел на Блэр уже давно — если вообще когда-либо смотрел.

Блэр сжала бокал чуть сильнее, чем следовало, и её губы превратились в тонкую линию.

— Серьёзно? — тихо бросила она, даже не понимая, кому именно адресует эти слова — им, себе или всем сразу.

Шейла наклонилась к ней, осторожно улыбаясь, будто боялась лишний раз дышать.

— Может, они просто шутят?

Блэр не ответила, а губы сжались в тонкую полоску.

Скарлетт снова растворилась в танце, уже дальше от Кайла, дальше от Оливера, дальше от неприятного укола, который на несколько минут заставил сердце быть слишком живым. Музыка вернула ей прежний ритм, а тело, привыкшее не спрашивать разрешения у головы, снова стало легче, свободнее, почти беспечнее. Она смеялась с кем-то, поднимала руки, двигалась в такт, и казалось, будто всё прошлое осталось где-то позади — на экране телефона, в чужой фотографии, в чужой руке, на коротком, опасно знакомом взгляде Кайла.

Но где-то за спиной продолжали гореть внимательные глаза Блэр.

И хотя Скарлетт этого ещё не видела, вечер только начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.